

Методические подходы к позиционированию регионов РФ в пространственном развитии: концептуальный обзор

Сапрыкин Матвей Алексеевич¹

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [5606-1882](#), ORCID: [0009-0006-0221-5365](#), mtvey.s@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Леонтьева Лидия Сергеевна

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [6508-6503](#), ORCID: [0000-0001-8504-0148](#), leontieva@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Статья посвящена методическим основаниям позиционирования субъектов Российской Федерации в системе пространственного развития. Отправной точкой для исследования выступает разрыв между стратегическим описанием роли региона, статистически наблюдаемой структурой экономики и пространственным положением территории. На основе концептуального обзора работ 2019–2025 гг., отобранных по базам Crossref, OpenAlex, eLibrary, Cyberleninka и сайтам профильных журналов, систематизированы российские и международные подходы к анализу региональных стратегий, индикаторов социально-экономической и отраслевой структуры региона и пространственных связей. Предложена рамка, в которой позиционирование региона трактуется как сопоставление трех источников: текста стратегии, наблюдаемых показателей и пространственного контекста. Цель — систематизировать подходы к этой постановке, выявить методические пробелы и очертить повестку эмпирической проверки; вклад состоит не в новой содержательной классификации регионов, а в схеме, различающей методы по доминирующему источнику измерения. В результате выделены четыре группы подходов — описательные и текстовые, индикаторные, пространственно-сетевые и интегрированные латентно-ролевые — и построена матрица «тип источника — уровень анализа». Показано, что российская литература подробно рассматривает институциональные ограничения стратегирования и неоднородность региональных документов, но редко соединяет текстовые, статистические и пространственные данные в одной воспроизводимой процедуре, тогда как международные NLP-подходы и пространственные ML-методы не адаптированы к субъектам РФ. Иллюстративный микрокейс Свердловской области демонстрирует ограниченность простого лексического подсчета и необходимость проверки разрыва между декларацией и наблюдением на корпусе регионов. Сформулирована исследовательская повестка из пяти направлений, переводящая критику декларативности в проверяемую эмпирическую задачу.

Ключевые слова

Позиционирование региона, пространственное развитие, стратегические документы, тематическое моделирование, пространственное машинное обучение, региональная роль, описательный обзор, стратегия пространственного развития.

Для цитирования

Сапрыкин М.А., Леонтьева Л.С. Методические подходы к позиционированию регионов РФ в пространственном развитии: концептуальный обзор // Государственное управление. Электронный вестник. 2026. № 117. С. 51–59. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-117-2026-51-59

Methodological Approaches to Positioning Russian Regions in Spatial Development: A Conceptual Review

Matvey A. Saprykin²

Postgraduate Student, ORCID: [0009-0006-0221-5365](#), mtvey.s@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Lidia S. Leontieva

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0001-8504-0148](#), leontieva@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article examines methodological foundations for positioning constituent entities of the Russian Federation within spatial development. The starting point is the gap between the strategic description of a region's role, the statistically observed structure of its economy and its spatial position. Based on a conceptual review of 2019–2025 publications selected through Crossref, OpenAlex, eLibrary, Cyberleninka and relevant journals, the paper systematizes Russian and international approaches to the analysis of regional strategies, indicators of regional socio-economic profile and sectoral specialization and spatial relations. It proposes a framework in which regional positioning is treated as a comparison of three sources: strategy text, observable indicators and spatial context. The aim is to systematize approaches to this problem, identify methodological gaps and outline an agenda for empirical testing; the contribution lies not in a new substantive classification of regions but in a scheme that distinguishes methods by their dominant source of measurement. As a result, four groups of approaches are distinguished — descriptive and text-based, indicator-based,

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

spatial-network and integrated latent-role — and a “source type — level of analysis” matrix is built. Russian literature discusses institutional constraints of strategizing and the heterogeneity of regional documents in detail but rarely links textual, statistical and spatial data in a reproducible procedure, whereas international NLP and spatial ML methods are not adapted to Russian regions. An illustrative micro case of Sverdlovsk Oblast demonstrates the limits of a simple lexical count and the need to test the declaration–observation gap on a regional corpus. A five-direction research agenda is formulated, turning the critique of declarativeness into a testable empirical task.

Keywords

Regional positioning, spatial development, strategic documents, topic modelling, spatial machine learning, regional role, narrative review, spatial development strategy.

For citation

Saprykin M.A., Leontieva L.S. (2026) Methodological Approaches to Positioning Russian Regions in Spatial Development: A Conceptual Review. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 117. P. 51–59. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-117-2026-51-59

Дата поступления/Received: 25.04.2026

Введение

Принятие Стратегии пространственного развития Российской Федерации в 2019 г. зафиксировало долгосрочную логику размещения населения, инфраструктуры и экономической активности³. Уже первые экспертные интерпретации показали, что документ не снимает вопрос о соотношении федеральных приоритетов, региональных стратегий и наблюдаемой структуры экономики [Зубаревич 2019; Кузнецова 2019]. В российской дискуссии этот вопрос обычно формулируется как проблема декларативности: Стратегия задает желаемую роль территории, но не всегда содержит процедуру измерения согласованности декларации с данными и пространственным контекстом [Бухвальд 2023; Козырь 2023].

Неоднородность региональных стратегий и критика декларативности Стратегии пространственного развития (СПР) делают сопоставимое позиционирование субъектов РФ важной задачей для региональной экономики и государственного управления [Трифенова 2021; Антипин и др. 2023]. Обновление повестки пространственного развития усиливает спрос на методы сравнения регионов по перечню целей и по согласованности текстовых, статистических и пространственных данных [Жихаревич, Прибышин 2021; Seliverstov 2022].

В международной литературе за последнее десятилетие заметно расширились NLP-подходы к пространственному планированию [Kaczmarek и др. 2022; Morandell et al. 2025] и пространственные ML-методы для больших геоданных [Korczewska 2022; Chen et al. 2024]. Эти направления развиваются параллельно и редко сводятся в единую измерительную схему для российских субъектов РФ. Настоящий обзор предлагает типологию и рамку сопоставления трех источников информации; готовая эмпирическая модель в статье не заявляется.

Статья не вводит новую содержательную классификацию регионов. Ее вклад состоит в схеме, где методы позиционирования различаются по доминирующему источнику измерения: тексту, индикаторам или пространственному контексту.

На уровне субъектов РФ ситуация осложняется неоднородностью стратегических документов. Корпусные и кейсные исследования показывают, что регионы по-разному структурируют пространственные разделы, используют разные уровни детализации и неодинаково связывают приоритеты с индикаторами [Трифенова 2021; Антипин и др. 2023]. Сравнить регионы по текстам стратегий мешает не нехватка данных, а отсутствие сопоставимой семантической разметки роли. Индикаторы без текста теряют политико-смысловую привязку приоритетов; текст без индикаторов и пространственного слоя может оставаться на уровне декларативных формулировок без измеримой операционализации.

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72174066/> (дата обращения: 20.04.2026).

В статье позиционирование региона понимается как сопоставление трех источников: стратегии как текста, фиксирующего декларируемую роль; наблюдаемой структуры экономики, населения и инфраструктуры; пространственного контекста, включающего соседство, связанность территорий и макрорегиональные рамки. Цель исследования состоит в систематизации подходов к такой постановке, выявлении методических пробелов и формулировании повестки эмпирической проверки.

Для достижения этой цели обобщена российская и международная литература по стратегиям пространственного развития и вычислительным методам анализа региональных данных, построена типология подходов к позиционированию региона, определены разрывы в связке «текст — индикаторы — пространство» и рассмотрен микрокейс Свердловской области. Методология включает описательный обзор (narrative review) с явным протоколом отбора, качественную систематизацию по доминирующему источнику измерения и иллюстративный лексико-статистический микрокейс без претензии на корпусную валидацию.

Российская дискуссия о стратегиях пространственного развития

Институциональный контур принятия СПР описывается как результат согласования научного и управленческого полей [Жихаревич, Прибышин 2021]; Е.М. Бухвальд дополняет это тезисом о рассогласованности стратегий разного уровня [Бухвальд 2023]. В.Е. Селиверстов описывает воспроизводство «единых формул» в региональных стратегиях и слабую связь с наблюдаемой специализацией [Seliverstov 2022]. П.С. Трифонова на корпусе 240 документов показывает, что стратегии субъектов РФ меняются по глубине, формату и актуализации, но не переходят в единую метрику позиционирования [Трифопова 2021].

После принятия СПР российская литература развивается по нескольким линиям. Критика реализуемости федеральной Стратегии представлена у Н.В. Зубаревица, который выделяет концептуальные шаги вперед, но подчеркивает ограничения реализации приоритетов в макроэкономических условиях [Зубаревиц 2019]. О.В. Кузнецова связывает качество управления пространственным развитием с недостаточностью статистической базы, включая территориальную структуру бюджетных расходов и учет городских агломераций [Кузнецова 2019]. Е.М. Бухвальд дополняет эту линию институционально-правовым аргументом: СПР принималась при несформированной системе разграничения «регионального» и «пространственного» развития [Бухвальд 2023].

Отдельная линия связана с перспективными специализациями. Н.С. Козырь показывает, что выбор специализаций через ОКВЭД дает техническую картину отраслей, но плохо переводится в содержательную роль территории и не позволяет понять вектор развития государства в целом [Козырь 2023]. Экономическая специализация не равна региональной роли, если не показано, как отраслевой классификатор связан с текстом стратегии и пространственными связями.

Наконец, в литературе подробно обсуждается неоднородность региональных стратегий. П.С. Трифонова анализирует 240 стратегических документов за 1997–2020 гг. и показывает длительную эволюцию стратегирования на субнациональном уровне [Трифопова 2021]. Ряд авторов отмечает, что даже при наличии методических рекомендаций субъекты РФ строят пространственный раздел исходя из собственных приоритетов и характеристик [Антипин и др. 2023]. Б.С. Жихаревич и Т.К. Прибышин рассматривают СПР как результат взаимодействия научного и управленческого сообществ и подчеркивают, что региональные документы воспроизводят федеральную рамку с разной степенью адаптации [Жихаревич, Прибышин 2021]. В.Е. Селиверстов показывает, что реализация пространственной политики на региональном уровне часто отстает от декларируемых целей и требует более жесткой связки стратегии с инструментами реализации [Seliverstov 2022].

Ручное сопоставление всех регионов в таких условиях становится трудоемким и зависимым от экспертных решений, что повышает интерес к формализуемым процедурам.

Международные вычислительные подходы

Международная литература дает инструменты, но не готовое решение для российских субъектов. NLP применяется для интеграции и классификации планировочных документов, когда единые стандарты описания отсутствуют [Kaczmarek et al. 2022]. Тематическое моделирование и автоматизированный контент-анализ используются для анализа сельских проектов и связи между городом и сельской местностью (urban–rural linkages) [Jeong et al. 2025; Morandell et al. 2025]. Эти работы показывают, что большие корпуса документов можно переводить в сопоставимые тематические признаки.

Параллельно развивается пространственное машинное обучение (spatial machine learning, ML). Оно рассматривается как методологическое поле для региональной науки, где машинное обучение дополняет пространственную эконометрику при работе с большими геоданными и автокорреляцией [Korczewska 2022]. Графовые нейронные сети позволяют учитывать топологию пространственных объектов, а семантически обогащенные GCNN (graph convolutional neural network, графовая сверточная нейронная сеть) связывают мобильность, демографию и функции городских единиц [Chen et al. 2024]. Для регионального позиционирования пространственный контекст нельзя сводить к фону; его нужно включать в модель как отдельный источник сигнала.

Перенос этих подходов на российские стратегии не прямой. Международные методики рассчитаны на иные типы документов, масштабы пространственных единиц и юрисдикционные классификации. Для российской регионалистики они важны как постановка вопроса: можно ли объединить текст стратегии, индикаторную панель и граф связей в интерпретируемую модель роли региона. Даже успешные NLP-проекты по планировочным документам, как правило, останавливаются на тематической или классификационной разметке и не связывают результат с официальной статистикой и пространственной топологией [Kaczmarek и др. 2022; Morandell et al. 2025]. Пространственное машинное обучение, напротив, работает с наблюдаемыми данными и редко включает нормативный текст стратегии как самостоятельный вход [Korczewska 2022]. Поэтому интегрированная латентно-ролевая модель пока остается задачей постановки: сначала нужно развести признаки декларации, наблюдения и контекста, затем зафиксировать правила их сопоставления.

Протокол отбора источников

Обзор выполнен как описательный обзор с явным, но не PRISMA-формализованным протоколом. Поиск охватывал период 2019–2025 гг. по базам Crossref, OpenAlex, eLibrary, Cyberleninka и по содержанию журналов «Пространственная экономика», «Регион: экономика и социология», «Федерализм», «Управленец», Annals of Regional Science, Sustainable Cities and Society, Landscape and Urban Planning. Критерии включения: работы о стратегиях пространственного развития РФ, региональном стратегировании, анализе стратегических документов и spatial ML/NLP-методах, применимых к региональным текстам и данным. Исключались учебники, диссертации и материалы без методологической связи с позиционированием региона. Отобранные источники сгруппированы по доминирующему источнику измерения и по уровню анализа (один регион / система регионов). Протокол не претендует на исчерпывающую систематизацию, но делает процедуру отбора прослеживаемой: перечень баз, период и критерии включения могут быть проверены другим исследователем без скрытого расширения выборки. Оперативные статистические данные за 2026 г. использованы только в иллюстративном микрокейсе и не входят в корпус научной литературы обзора.

Рабочая типология подходов

Предлагаемая типология строится не по содержательным школам регионального развития, а по доминирующему источнику измерения.

Описательные и текстовые подходы охватывают качественные обзоры, структурные разборы стратегий, периодизацию документов и тематическое моделирование. Они ближе всего к нормативному смыслу стратегии, но плохо масштабируются и легко отрываются от измеримой базы [Трифонова 2021; Антипин и др. 2023].

Индикаторные подходы опираются на официальную статистику, отраслевые классификаторы и сравнительные панели. Их преимущество — сопоставимость; слабое место — связь с тем, как регион сам формулирует приоритеты. Критика ОКВЭД-логики перспективных специализаций показывает, что индикаторная структура не исчерпывает содержательную роль территории [Козырь 2023].

Пространственно-сетевые и графовые подходы трактуют регион как узел в системе соседства, потоков и функциональных связей; здесь важны выбор графа, весов ребер и масштаб наблюдения [Korczewska 2022; Chen et al. 2024].

Интегрированные латентно-ролевые модели пока слабо представлены в российской литературе. В такой постановке текст, индикаторы и пространственный контекст должны объединяться в латентное представление роли региона, но целостных примеров почти нет.

Матрица «тип источника — уровень анализа»

Литературу можно дополнительно разложить по двум осям: тип источника (текст / данные) и уровень анализа (один регион / система регионов) (Таблица 1). Российская традиция наиболее сильна в ячейке «текст / система регионов»: корпусные обзоры стратегий и критика СПР [Кузнецова 2019; Трифонова 2021; Бухвальд 2023]. Ячейка «данные / система регионов» представлена статистической критикой, анализом специализаций и пространственного машинного обучения [Korczewska 2022; Козырь 2023]. Локальные кейсы нужны для иллюстрации механизма, но сами по себе не дают воспроизводимой типологии.

Таблица 1. Матрица «тип источника — уровень анализа» (схематизация по обзору)⁴

Уровень анализа	Текстовые источники	Данные
Один регион	Качественные разборы стратегий; микрокейсы	Региональные панели показателей; отраслевая специализация
Система регионов	Корпусные обзоры стратегий; критика СПР	Сравнительные индикаторные рейтинги; spatial ML на графах

На стыке осей расположены гибридные работы по интеграции множества локальных планов через NLP [Kaczmarek и др. 2022]. Для субъекта РФ как единицы позиционирования прямой перенос ограничен масштабом и юрисдикцией.

На гибридной диагонали почти нет работ, которые одновременно используют текст, индикаторы и пространственный слой для большого набора регионов. Методика позиционирования субъектов РФ должна строиться на этом стыке, иначе сравнение снова распадается на отдельные описания текста, статистики и пространства.

Микрокейс Свердловской области

Для иллюстрации рассмотрен текст закона Свердловской области от 21.12.2015 № 151-ОЗ⁵. В качестве грубой лексической базы подсчитаны заранее заданные корневые маркеры:

⁴ Составлено авторами по [Кузнецова 2019; Трифонова 2021; Korczewska 2022; Kaczmarek et al. 2022].

⁵ Закон Свердловской области от 21.12.2015 № 151-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/429024960> (дата обращения: 18.04.2026).

demography, innovation, investment, human_capital, infrastructure, spatial, industrial. Частоты составили: demography — 56, innovation — 33, investment — 28, human_capital — 23, infrastructure — 14, spatial — 11, industrial — 6 (корпус — 43142 знака, 5374 слова)⁶.

Этот результат не следует читать как доказательство «неиндустриальности» региона. Лексическая поверхность Стратегии может не совпадать с ожидаемым образом индустриального региона: промышленность описывается через смежные термины, отраслевые названия и инфраструктурные проекты. Частотный подсчет полезен только как начальная проверка, а не как полноценная оценка роли.

Сверка с оперативным мониторингом Росстата за январь–февраль 2026 г.⁷ требует отдельного чтения декларативных акцентов Стратегии и динамики отдельных социально-экономических показателей. Индекс промышленного производства за январь–февраль 2026 г. составил 90,5% к уровню января–февраля 2025 г., обрабатывающие производства — 88,1%, добыча полезных ископаемых — 84,4%; реальная заработная плата выросла на 3,2% за январь 2026 г. к январю 2025 г. Такой короткий интервал не доказывает невыполнение Стратегии, но указывает на необходимость регулярной проверки разрыва между долгосрочной индустриальной целью и текущей статистической траекторией. Количественная оценка такого разрыва на панели показателей выходит за рамки иллюстративного микрокейса.

Формальная процедура должна отслеживать согласованность или расхождение между текстом и статистикой. На примере Свердловской области это видно особенно наглядно: Стратегия 2015 г. акцентирует инновационную, инвестиционную и демографическую повестку, тогда как индустриальный маркер в простом лексическом подсчете выражен слабо. Тот же вывод следует из более общей критики несовпадения отраслевых и текстовых описаний специализации [Кузнецова 2019; Козырь 2023].

Интеграция источников и исследовательская повестка

Четыре кластера нужны, чтобы не подменить одну меру другой. Текст стратегии описывает заявленный образ будущего; индикаторы — наблюдаемую структуру экономики, населения и инфраструктуры; пространственный граф — положение региона в системе соседства, потоков и макрорегиональных связей. Смешение этих уровней дает видимость измерения, а не измерение.

Например, индустриальная специализация может быть сильной в статистике, но слабой в тексте стратегии, если регион меняет риторику на инновационную или сервисную. Обратная ситуация также возможна: стратегия декларирует инновационный профиль, но индикаторы показывают инерционную отраслевую структуру. Пространственный контекст добавляет еще один слой: регион может быть статистически похож на другой субъект, но занимать иное положение в транспортной, миграционной или агломерационной сети.

Исследовательские пробелы по кластерам

В текстовом кластере по-прежнему нет общей кодировки «роли» при признанной гетерогенности разделов о пространственном развитии [Антипин и др. 2023]: корпус из сотен документов [Трифорова 2021] не переводится в сопоставимую метрику позиционирования без дополнительной схемы. Разрыв деклараций и наблюдения задает внешний критерий валидности текстовых выводов, который в российской линии чаще постулируется, чем измеряется совместно с текстом [Кузнецова 2019; Бухвальд 2023].

⁶ Расчеты авторов по тексту Стратегии Свердловской области.

⁷ Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения свердловской области за 2026 год // Свердловскстат [Электронный ресурс]. URL: [https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1-%D0%94%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3-2026%20\(1\).pdf](https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1-%D0%94%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3-2026%20(1).pdf) (дата обращения: 18.04.2026).

В индикаторном кластере «позиция» региона остается хрупкой без прозрачной статистической базы [Кузнецова 2019], а отраслевая структура по классификаторам деятельности не эквивалентна стратегической роли [Козырь 2023]. Международная линия умной специализации (smart specialization) задает политико-инновационную рамку, но не заменяет анализ текстов региональных стратегий РФ.

В пространственно-сетевом кластере обзорные рамки spatial ML [Korczewska 2022] и графовые модели городских функций не сводят «роль субъекта РФ» к одной процедуре: объект анализа — зона или городская сетка [Chen et al. 2024], а не регион как узел национальной системы.

В интегрированном латентно-ролевом кластере целостных российских примеров, объединяющих текст стратегии, индикаторы и пространственный контекст, почти нет; существующие NLP-подходы к планировочным документам [Kaczmarek и др. 2022] не закрывают национальный корпус стратегий субъектов РФ.

Операционализация интегрированной рамки

Концептуальная рамка обзора задает требование сопоставления трех источников, которое можно проверить эмпирически на ограниченном наборе регионов. Минимальная операционализация такой проверки должна разводить декларативный профиль стратегии, наблюдаемую индикаторную структуру и пространственный контекст, а затем оценивать не только сходство регионов, но и величину разрыва между заявленной и наблюдаемой ролью. Это уточняет типологию: текст, индикаторы и пространственные связи могут расходиться как внутри одного региона, так и между регионами при внешне схожей риторике специализации [Seliverstov 2022; Козырь 2023].

Дальнейшие работы, по нашему мнению, могут идти в пяти направлениях: типология структур разделов о пространственном развитии по корпусу стратегий субъектов РФ; минимальная онтология региональных ролей для двойного ручного кодирования и последующего машинного обучения; индикаторная панель с отраслевыми, демографическими, инфраструктурными и бюджетными показателями; метрика разрыва между декларативным профилем стратегии и наблюдаемыми индикаторами; прототип интегрированной латентной модели, объединяющей текстовые признаки, индикаторы и граф пространственных связей. Так общая критика декларативности СПР может перейти в проверяемую эмпирическую задачу.

Заключение

Обзор показывает, что проблема позиционирования региона находится на пересечении трех исследовательских линий. В рассмотренных российских работах обсуждаются институциональные ограничения СПР, неоднородность региональных стратегий и слабость отраслевой логики перспективных специализаций [Кузнецова 2019; Бухвальд 2023; Козырь 2023]. Международная литература предлагает инструменты NLP, тематического моделирования и spatial ML [Kaczmarek и др. 2022; Korczewska 2022; Chen et al. 2024]. Между этими линиями остается расхождение: текст, индикаторы и пространство редко объединяются в одной процедуре.

Роль региона нельзя надежно вывести из одного источника: ни из стратегии, ни из статистики, ни из пространственного графа в отдельности. Стратегия задает декларацию, индикаторы — наблюдаемую структуру, пространственный контекст — условия интерпретации. Позиционирование в этом смысле является процедурой сопоставления, а не извлечением готовой роли из одного массива данных.

Ограничение обзора связано с его концептуальным характером: это описательный обзор, а не PRISMA-систематизация. Микрокейс Свердловской области имеет иллюстративный статус и не заменяет корпусную проверку. Тем не менее он показывает, почему простые лексические

подсчеты требуют осторожной интерпретации и почему дальнейшая работа должна переходить к корпусу субъектов РФ, контрольным регионам и открытым воспроизводимым метрикам. Без корпуса стратегий, формализованной онтологии ролей, минимальной индикаторной панели и интегрированной латентной модели сравнение регионов остается на уровне деклараций.

Список литературы:

Антипин И.А., Власова Н.Ю., Иванова О.Ю. Стратегическое планирование в регионах России: вопросы пространственного развития // Управленец. 2023. Т. 14. № 6. С. 50–62. DOI: [10.29141/2218-5003-2023-14-6-4](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-6-4)

Бухвальд Е.М. Институциональные проблемы стратегирования пространственного развития // Федерализм. 2023. Т. 28. № 1(109). С. 80–98. DOI: [10.21686/2073-1051-2023-1-80-98](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-1-80-98)

Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти // Регион: экономика и социология. 2021. № 4(112). С. 3–26. DOI: [10.15372/REG20210401](https://doi.org/10.15372/REG20210401)

Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. DOI: [10.32609/0042-8736-2019-1-135-145](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145)

Козырь Н.С. Перспективные экономические специализации макрорегионов как ключевая недоработка Стратегии пространственного развития России // Ars Administrandi. 2023. Т. 15. № 1. С. 103–124. DOI: [10.17072/2218-9173-2023-1-103-124](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-103-124)

Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития РФ: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. DOI: [10.14530/se.2019.4.107-125](https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125)

Трифонов П.С. Основные стратегические документы субъектов РФ: анализ, актуализация, индивидуализация // Вестник университета (ГУУ). 2021. № 6. С. 31–43. DOI: [10.26425/1816-4277-2021-6-31-43](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-31-43)

Chen Y., Zhao P., Lin Y., Sun Y., Chen R., Yu L., Liu Y. Semantic-Enhanced Graph Convolutional Neural Networks for Multi-Scale Urban Functional-Feature Identification Based on Human Mobility // ISPRS International Journal of Geo-Information. 2024. Vol. 13. Is. 1. DOI: [10.3390/ijgi13010027](https://doi.org/10.3390/ijgi13010027)

Jeong H., Shin Y., Lee S., Han S., An K. Identifying Local Characteristics for Customized Policy Application within Rural Areas Using LDA Topic Modelling // Sustainability. 2025. Vol. 17. Is. 12. DOI: [10.3390/su17125332](https://doi.org/10.3390/su17125332)

Kaczmarek I., Iwaniak A., Swietlicka A., Piwowarczyk M., Nadolny A. A Machine Learning Approach for Integration of Spatial Development Plans Based on Natural Language Processing // Sustainable Cities and Society. 2022. Vol. 76. DOI: [10.1016/j.scs.2021.103479](https://doi.org/10.1016/j.scs.2021.103479)

Kopczewska K. Spatial Machine Learning: New Opportunities for Regional Science // Annals of Regional Science. 2022. Vol. 68. P. 713–755. DOI: [10.1007/s00168-021-01101-x](https://doi.org/10.1007/s00168-021-01101-x)

Morandell T., Wicki M., Kaufmann D. The Planning of Urban–Rural Linkages: An Automated Content Analysis of Spatial Plans Adopted by European Intermediate Cities // Landscape and Urban Planning. 2025. Vol. 255. DOI: [10.1016/j.landurbplan.2024.105258](https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2024.105258)

Seliverstov V.E. The “Five-Year Plan” of Spatial Development and Regional Policy of Russia: Running in Place or Readiness for a Sprint? // Regional Research of Russia. Vol. 12. No. 2. P. 177–191. DOI: [10.1134/s2079970522020228](https://doi.org/10.1134/s2079970522020228)

References:

Antipin I.A., Vlasova N.Yu., Ivanova O.Yu. (2023) Strategic Planning in Russian Regions: Spatial Development Issues. *Upravlenets*. Vol. 14. No. 6. P. 50–62. DOI: [10.29141/2218-5003-2023-14-6-4](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-6-4)

Bukhvald E.M. (2023) Institutional Problems of Spatial Development Strategization. *Federalizm*. Vol. 28. No. 1(109). P. 80–98. DOI: [10.21686/2073-1051-2023-1-80-98](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-1-80-98)

- Chen Y., Zhao P., Lin Y., Sun Y., Chen R., Yu L., Liu Y. (2024) Semantic-Enhanced Graph Convolutional Neural Networks for Multi-Scale Urban Functional-Feature Identification Based on Human Mobility. *ISPRS International Journal of Geo-Information*. Vol. 13. Is. 1. DOI: [10.3390/ijgi13010027](https://doi.org/10.3390/ijgi13010027)
- Jeong H., Shin Y., Lee S., Han S., An K. (2025) Identifying Local Characteristics for Customized Policy Application within Rural Areas Using LDA Topic Modelling. *Sustainability*. Vol. 17. Is. 12. DOI: [10.3390/su17125332](https://doi.org/10.3390/su17125332)
- Kaczmarek I., Iwaniak A., Swietlicka A., Piwowarczyk M., Nadolny A. (2022) A Machine Learning Approach for Integration of Spatial Development Plans Based on Natural Language Processing. *Sustainable Cities and Society*. Vol. 76. DOI: [10.1016/j.scs.2021.103479](https://doi.org/10.1016/j.scs.2021.103479)
- Kopczewska K. (2022) Spatial Machine Learning: New Opportunities for Regional Science. *Annals of Regional Science*. Vol. 68. P. 713–755. DOI: [10.1007/s00168-021-01101-x](https://doi.org/10.1007/s00168-021-01101-x)
- Kozyr N.S. (2023) Macro-Regions Promising Economic Specializations as a Key Gap in Spatial Development Strategy of Russian Federation. *Ars Administrandi*. Vol. 15. No. 1. P. 103–124. DOI: [10.17072/2218-9173-2023-1-103-124](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-103-124)
- Kuznetsova O.V. (2019) Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation. *Prostranstvennaya ekonomika*. Vol. 15. No. 4. P. 107–125. DOI: [10.14530/se.2019.4.107-125](https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125)
- Morandell T., Wicki M., Kaufmann D. (2025) The Planning of Urban–Rural Linkages: An Automated Content Analysis of Spatial Plans Adopted by European Intermediate Cities. *Landscape and Urban Planning*. Vol. 255. DOI: [10.1016/j.landurbplan.2024.105258](https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2024.105258)
- Seliverstov V.E. (2022) The “Five-Year Plan” of Spatial Development and Regional Policy of Russia: Running in Place or Readiness for a Sprint? *Regional Research of Russia*. Vol. 12. No. 2. P. 177–191. DOI: [10.1134/s2079970522020228](https://doi.org/10.1134/s2079970522020228)
- Trifonova P.S. (2021) The Main Strategic Documents of the Russian Federation’s Subjects: Analysis, Actualization, Individualization. *Vestnik universiteta*. No. 6. P. 31–43. DOI: [10.26425/1816-4277-2021-6-31-43](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-31-43)
- Zhikharevich B.S., Pribyshin T.K. (2021) Spatial Development Strategy of Russia as a Result of Science and Authorities Interacting. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. No. 4(112). P. 3–26. DOI: [10.15372/REG20210401](https://doi.org/10.15372/REG20210401)
- Zubarevich N.V. (2019) Spatial Development Strategy: Priorities and Instruments. *Voprosy Ekonomiki*. No. 1. P. 135–145. DOI: [10.32609/0042-8736-2019-1-135-145](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145)